

УДК 94(470)

Н. Н. Кабытова

Самарский национальный исследовательский университет,
г. Самара, Российская Федерация

Властные парадигмы российской провинции в 1917 г.

Nadezhda N. Kabytova

Samara National Research University, Samara, Russian Federation

Paradigms of Power in the Russian Periphery in 1917

Аннотация

В статье рассматривается специфика формирования местных структур власти как комплекс сложившихся обстоятельств, порожденных революцией. Для определения магистрального направления распада старого и формирования нового общественно-политического устройства в 1917 г. привлечены указы верховных властей, которые рассматривались лишь в той степени, в какой они определили процесс образования новой администрации и реформирования органов самоуправления на местах. Необходимо заметить, что революционный локализм вносил свои коррективы в правительственную политику, часто искажая, а то и вовсе отторгая ее мероприятия. Деятельность местной администрации Временного правительства отражена в фондах губернских комиссаров, документы которых были частично, с купюрами, опубликованы в сборниках, летописях, хрониках по революционному движению. Однако приоритеты составителей зависели от идейно-политической конъюнктуры, а не состояния источниковой базы, и к большинству из документов в годы советской власти доступ исследователей был ограничен, а часть их уничтожена. Делопроизводственная документация губернской исполнительной власти представляет собой входящие и исходящие бумаги, характеризующие ее безуспешные попытки решить рабочий, аграрный вопросы, найти способы взаимодействия с органами местного самоуправления и общественно-политическими объединениями. Названные материалы неизменно демонстрируют безынициативность, робость и непоследовательность местных властей, неспособных противостоять натиску экстремистских сил в революции. Анализ взаимоотношений власти и общества на местах в 1917 г., произведенный

на основе названного корпуса архивных источников, подтверждает системный характер общенационального кризиса. Все попытки внедрить западные общедемократические принципы регулирования социальных отношений оказались неэффективными прежде всего в провинции. Сделаны выводы о том, что демократические институты власти не отвечали традиционным ценностям народа и требованиям революционных потоков.

Abstract

The article studies specifics of local power structures formation as a totality of circumstances springing from the revolution. To identify a trend in disintegration of the old socio-political forms and in emergence of new ones in 1917, it draws on the decrees of supreme authorities, which it only discusses as far as they determined the formation of new administration and the reforming of self-government institutions in the periphery. It should be noted that the revolutionary parochial mentality distorted government policies, at times even rejecting them. Activities of the local administration of the Provisional Government are reflected in the fonds of the gubernia commissars. Some of the documents were published with cuttings in collections and chronicles on revolutionary movement. However, priorities of compilers hinged on ideological and political situation and not on source base, state as most documents were out of their reach, some even destroyed. Records of the provincial executive authorities include incoming and outgoing papers characterizing their unsuccessful attempts to find a solution to working and agrarian questions or a means of interaction with local self-government agencies and social and political associations. These materials often show irresolution and lack of initiative and consistency of the local authorities, which were no match to the onslaught of extremist revolutionary forces. The analysis of the relations between power and society on the ground in 1917 made on the basis of these archival sources confirms the multi-faceted nature of the national collapse. All attempts to implement the Western all-democratic principles of regulating social relations proved most inefficient in the periphery. The author concludes that democratic government institutions suited neither the traditional values of the people, nor the demands of the revolutionary currents.

Ключевые слова

Источник, архивный документ, Временное правительство, губернские и уездные комиссары, общественные исполнительные комитеты, документы областных архивов.

Keywords

Source, archival document, Provisional Government, gubernia and uezd commissars, public executive committees, documents from regional archives.

Взаимоотношения власти и общества в условиях революционного процесса 1917 г. изучены фрагментарно. Многие аспекты, определяющие трансформацию взаимоотношений властных структур и общественных сил, мифологизированы. Переустройство государственной власти и местного самоуправления в революционный период 1917 г. осуществлялось под воздействием институтов гражданского общества: политических партий, советов, комитетов, различных союзов и объединений. Соотношение общественных сил, степень и способы их влияния различались в центре и провинции. Специфика взаимосвязи и взаимозависимости действий власти и общества в российских регионах, как комплекс обстоятельств, порожденных революцией, стала изучаться сравнительно недавно¹. Принципы, формы и способы организации и трансформации институтов местной власти рассмотрены в пределах центральных губерний Поволжья.

Корпус исторических источников по данной проблеме представлен преимущественно архивными документами. Постановления и указы Временного правительства рассматривались лишь в той степени, в которой они определяли принципы образования и реформирования местной власти. Делопроизводство губернских и уездных комиссаров, дум и земств представляет собой входящие и исходящие документы, демонстрирующие слабость местных властей, неспособных противостоять натиску радикальных сил в революции. Своеобразны по форме, стилю изложения материалы низовых общественных объединений, возникших в ходе революции. Источники, характеризующие народные представления о «справедливом» социально-политическом устройстве, важны для выяснения механизма влияния общества на власть. Дополнительно привлечены материалы периодической печати за 1917 г., отражающие общественное мнение по вопросам государственного строительства и местного самоуправления.

Скоротечность и успех февральского переворота, положившего начало революции 1917 года, феноменальны. Господствовавшее длительное время в советской историографии утверждение о «гнилостности самодержавия» не объясняет глубинных причин массового правотворчества, которое проявилось в российской провинции. При формировании новой власти центр стремился унифицировать ее формы и создать стройную систему

подчиненности и взаимодействия. Временный Комитет Государственной думы (ВКГД) поставил задачу объединения легальной при старом режиме оппозиции во властные органы на местах. В губернских центрах инициативу проявили прежде всего городские общественные управления. Для обсуждения событий городские управы созывали совещания гласных, где оглашалась телеграмма о «взятии восстановления государственного и общественного порядка в руки Временного Комитета Государственной Думы» за подписью ее председателя М. В. Родзянко². Здесь же избирались Временные общественные комитеты для выработки экстренных мер по поддержанию порядка и спокойствия. Предполагалось, что эти комитеты будут пополняться представителями различных общественных организаций. В идеале же взаимоотношения с государственной властью должны были отражать общность конечных целей и задач, единство принципов построения властных отношений и функционирования новых органов власти на местах.

Творцы послефевральских преобразований не планировали коренных изменений в организации власти в провинции. Однако революционные события в регионах кое-где даже опережали центр. Стали известны факты арестов губернаторов, жандармских и полицейских чинов. ВКГД вынужден был 5 марта 1917 г. принять решение об освобождении всех лиц местной администрации, «заключенных под стражу во время государственного переворота без ордера соответствующей власти, если к означенным лицам не предъявлено обвинение в совершении преступных деяний»³. Губернаторы были уже вчерашним днем, нужно было срочно найти им адекватную замену в системе власти.

Создавая конструкцию местной администрации, Временное правительство требовало: «В губерниях, где было введено земское положение, обязанности губернаторов временно возложить на председателей губернских земских управ, присвоив им наименование “губернские комиссары Временного правительства”. В уездах председателей уездных земских управ назначить уездными комиссарами»⁴. Налицо стремление приспособить к нуждам текущего момента избранные до революции структуры местного самоуправления. Комитеты, формировавшиеся на условиях представительства всех общественных сил революционной

направленности, были опасны для новых российских демократов, особенно после вхождения в них советов рабочих и солдатских депутатов. Комитеты в губерниях на первых порах дальше демократических деклараций не шли и, провозглашая себя «защитниками нового строя», стремились «приспособить старые общественные и продовольственные учреждения задачам нового времени»⁵. Такой поток взаимных деклараций и заторможенность в конкретных делах характерны для начального периода формирования новой власти на местах. Однако все понимали, что время деклараций и заявлений не может длиться вечно и необходимо предпринимать конкретные действия.

6 марта 1917 г. началась реализация постановления Временного правительства о назначении губернских комиссаров. Поскольку общественные комитеты образовались во всех губернских городах еще до получения циркуляра из центра, наиболее инициативные из них уже выдвинули свои кандидатуры на должности губернских комиссаров.

Еще 4 марта 1917 г. председатель Самарской губернской земской управы кадет К. Н. Иньков был выдвинут Комитетом народной власти на должность Самарского губернского комиссара Временного правительства. Впоследствии это назначение было утверждено Временным правительством. В Пензе 5 марта 1917 г., вечером, на заседании бюро исполнительного комитета губернским комиссаром был назначен В. А. Герман. В этой должности он пробыл всего одну ночь, так как «6 марта по получении телеграммы князя Г. Е. Львова В. А. Германа освободили от обязанностей, а князя Л. Н. Кугушева, председателя губернской земской управы, назначили губернским комиссаром»⁶. Либеральная общественность и не помышляла встать на защиту своего выдвиженца. 5 марта 1917 г. Саратовский общественный городской исполнительный комитет также возложил обязанности губернского комиссара на своего лидера – народного социалиста Н. И. Семенова, что не соответствовало полученным на следующий день указаниям из центра. Саратовская общественность встала на защиту своего ставленника⁷. Председатель губернской земской управы К. Н. Grimm в данной ситуации почел за благо для себя отказаться от поста губернского комиссара. Временное правительство с самого начала не чувствовало себя достаточно

уверенно. Находясь под бдительным присмотром Петросовета, оно не решалось диктовать свои условия местным революционным преобразователям. У него не было механизма для осуществления контроля за исполнением решений центрального руководства, ведь система управления страной только создавалась.

В тех губерниях, где общественно-политические силы были по тем или иным обстоятельствам недостаточно организованы и инициативны, назначение губернских комиссаров Временного правительства происходило в соответствии с указаниями из центра. 6 марта 1917 г. таким образом приступил к исполнению обязанностей Симбирский губернский комиссар Ф. А. Головинский, являвшийся председателем губернской земской управы. Казанским губернским комиссаром первоначально был назначен крупный землевладелец В. В. Молоствов, так как недавно избранного председателем губернской земской управы А. Н. Плотникова царское правительство не успело утвердить в должности. Он приступил к исполнению обязанностей губернского комиссара месяц спустя, после утверждения уже Временным правительством⁸.

16 марта 1917 г. из Министерства внутренних дел поступило разъяснение о месте и роли комиссаров Временного правительства. В нем отмечалось, что «в одной и той же местности возникает ряд общественных комитетов различного наименования и состава, деятельность которых не всегда согласована... Временное правительство находит необходимым объединение существующих и вновь возникающих комитетов в губернские, уездные и волостные». Однако именно «губернские и уездные комиссары являются уполномоченными и исполнительными органами Временного правительства на местах»⁹. 19 марта 1917 г. Временное правительство приняло постановление о полном уничтожении института земских начальников. Признавая необходимость срочной разработки проекта о преобразовании органов местного управления и временного местного суда, пока оно возлагало обязанности земских начальников на уездных комиссаров¹⁰. При этом разъяснялось, что «назначение новых лиц на должность уездных комиссаров, к которым переходят обязанности земских начальников, производится исключительно по представлению Губернского комиссара»¹¹. С самого начала формирования новой власти центр стремился отсечь различные общественные организации

от выполнения административно-управленческих функций. Временное правительство, ограничивая возможности комитетов, при этом теряло контроль за процессом развития революции на местах.

Местные органы власти осенью 1917 г. переживали кризис, обусловленный не только отсутствием широкой социальной поддержки, но и организационной неопределенностью. Всероссийский съезд губернских комиссаров, обсуждавший 4–9 августа 1917 г. вопрос об организации власти на местах, не принял согласованного решения о принципах государственного строительства. При обсуждении проекта «Положения о губернском и уездном управлении» выявились следующие точки зрения:

считать должность комиссара временной и излишней после избрания демократическим путем земств, городских и районных дум;

признать необходимым сохранение должности комиссара и после создания новых органов самоуправления.

Обнаружились разногласия и по вопросу о конституировании должности комиссара: одни считали, что он должен избираться на местах, другие полагали возможным назначение его правительством. На съезде были оглашены также тезисы группы комиссаров-государственников. «Начало единой и сильной власти должно быть положено сверху. Необходимо, чтобы государственная власть в лице Временного правительства была бы национальна, едина и независима от каких-либо партий и классовых организаций»¹², – требовали они.

Проект положения о комиссарах 18 августа 1917 г. был представлен на обсуждение общего заседания Совещания по реформе местного самоуправления, а 19 сентября утвержден как закон. Он предусматривал возможность назначения губернских и уездных комиссаров по соглашению с «соответствующими комитетами общественных организаций» и предлагал им «действовать в единстве при разрешении общих вопросов местного управления»¹³. Это постановление никак не могло стабилизировать обстановку на местах, поскольку влияние на ситуацию в регионе не только комиссаров, но и общественных исполнительных комитетов осенью 1917 г. резко уменьшилось. Выработанная ими согласовательная система решения сложных вопросов местной

жизни требовала длительного времени, а кредит доверия революционным представителям был исчерпан. Революция создала условия для развития государственного формотворчества. Лозунг большевиков «Вся власть Советам!» получил реальный шанс для претворения в жизнь, так как все конструкции Временного правительства по организации управления оказались неэффективными. То обстоятельство, что советы, избиравшиеся отдельно от рабочих, солдат и крестьян, не являлись образцом демократии, не смущало борцов за государство-коммуны.

Примечания

¹ Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть. – СПб.: Глаголь, 1994. *Anatomiya revolyutsii: 1917 god v Rossii: massy, partii, vlast'*. [Anatomy of the revolution: 1917 in Russia: Masses, parties, power. In Russ.]. St. Petersburg, Glagol publ., 1994; Герасименко, Г. А. Народ и власть. 1917. – М.: Воскресенье, 1995. GERASIMENKO, G. A. *Narod i vlast'. 1917* [People and power: 1917. In Russ.]. Moscow, Voskresenye publ., 1995; Кабытова, Н. Н. Власть и общество российской провинции в революции 1917 года. – Самара: Самарский университет, 2002. KABYTOVA, N. N. *Vlast' i obshchestvo rossiiskoi provintsii v revolyutsii 1917 goda* [Power and society of the Russian periphery in the revolution of 1917. In Russ.]. Samara, Samarskii universitet publ., 2002; Колоницкий, Б. И. Символы власти и борьба за власть: К изучению политической культуры Российской революции 1917 года. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. KOLONITSKIИ, B. I. *Simvoly vlasti i bor'ba za vlast': K izucheniyu politicheskoi kul'tury Rossiiskoi revolyutsii 1917 goda* [Symbols of power and struggles for power: Studying the political culture of the Russian revolution of 1917. In Russ.]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin publ., 2001; Лунатова, Н. В. Власть в печатном эквиваленте: образ советского лидера на страницах прессы. – Ульяновск: УлГУ, 2014. LIPATOVA, N. V. *Vlast' v pechatnom ehkvivalente: obraz sovetskogo lidera na stranitsakh pressy* [The power in print equivalent: Image of a Soviet leader on the pages of the press. In Russ.]. Ulyanovsk, ULGU publ., 2014; Рейли, Д. Дж. Политические судьбы российской губернии: 1917 год в Саратове. – Саратов: Слово, 1995. RALEIGH, DONALD J. *Revolution on the Volga: 1917 in Saratov*. Ithaca, N.Y., 1986. (Russ. ed.: REILI, D. DZH. *Politicheskie sud'by rossiiskoi gubernii: 1917 god v Saratove*. Saratov, Slovo publ., 1995); Тронов, И. А. Революция и провинция: Местная власть в России (февраль–октябрь 1917 г.) – СПб.: Европейский Дом, 2011. TROPOV, I. A. *Revolutsiya i provintsiya: Mestnaya vlast' v Rossii (fevral'–oktyabr' 1917 g.)* [Revolution and periphery: Local government in Russia: February–October 1917. In Russ.]. St. Petersburg, Evropeiskii Dom publ., 2011. Щелков, А. В. Власть в Самарской губернии в 1917 году. – Самара: ПГСГА, 2014. SHCHELKOV, A. B. *Vlast' v Samarskoi gubernii v 1917 godu* [Power in the Samara gubernia in 1917. In Russ.]. Samara: PGSGA publ., 2014.

² Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1791. Оп. 1. Д. 676. Л. 1. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii* [State Archive of the Russian Federation] (GARF), fond 1791, series 1, file 676, p. 1.

³ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1276. Оп. 10. Д. 9. Л. 62. *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv* [Russian State Historical Archive] (RGIA), fond 1276, series 10, file 9, p. 62.

⁴ ГАРФ. Ф. 1791. Оп. 1. Д. 676. Л. 3. GARF, fond 1791, series 1, file 676, p. 3.

⁵ Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. 813. Оп. 1. Д. 4. Л. 2. *Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Samarskoi oblasti* [Central State Archive of the Samara Region] (TsGASO), fond 813, series 1, file 4, p. 2.

⁶ Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. 206. Оп. 1. Д. 11. Л. 5. *Gosudarstvennyi arkhiv Penzenskoi oblasti* [State Archive of the Penza Region] (GAPO), fond 206, series 1, file 11, p. 5.

⁷ Рейли, Д. Дж. Политические судьбы российской губернии: 1917 год в Саратове. – Саратов, 1995. – С. 89. RALEIGH, DONALD J. *Revolution on the Volga: 1917 in Saratov*. Ithaca, N.Y., 1986. (Russ. ed.: REILL, D. DZH. *Politicheskoe sud'by rossiiskoi gubernii: 1917 god v Saratove*. Saratov, Slovo, 1995, p. 89).

⁸ ГАРФ. Ф. 406. Оп. 1. Д. 676. Л. 3 об., 11. GARF, fond 406, series 1, file 676, pp. 3, 11.

⁹ ГАПО. Ф. 206. Оп. 1. Д. 2. Л. 28. GAPO, fond 206, series 1, file 2, p. 28.

¹⁰ Собрание узаконений и распоряжений Временного правительства. Пр., 1917. *Sobranie uzakonenii i rasporyazhenii Vremennogo pravitel'stva* [Collection of legislative enactments and orders of the Provisional Government. In Russ.]. Prague, 1917.

¹¹ ЦГАСО. Ф. 820. Оп. 1. Д. 5. Л. 23. TsGASO, fond 820, series 1, file 5, p. 23.

¹² Там же. Ф. 814. Оп. 1. Д. 5. Л. 3, 8. TsGASO, fond 814, series 1, file 5, pp. 3, 8.

¹³ Собрание узаконений и распоряжений Временного правительства. Пр., 1917. – № 264. – Ст. 1749. *Sobranie uzakonenii i rasporyazhenii Vremennogo pravitel'stva* [Collection of legislative enactments and orders of the Provisional Government. In Russ.]. Prague, 1917, no. 264, art. 1749.

Список литературы

Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть. – СПб.: Глаголь, 1994. – 445 с.

Герасименко, Г. А. Народ и власть. 1917. – М.: Воскресенье, 1995. – 288 с.

Кабытова, Н. Н. Власть и общество российской провинции в революции 1917 года. – Самара: Самарский университет, 2002. – 324 с.

Колоницкий, Б. И. Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры Российской революции 1917 года. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. – 352 с.

Липатова, Н. В. Власть в печатном эквиваленте: образ советского лидера на страницах прессы. – Ульяновск: УлГУ, 2014. – 239 с.

Рейли, Д. Дж. Политические судьбы российской губернии: 1917 год в Саратове. – Саратов: Слово, 1995. – 398 с.

Тропов, И. А. Революция и провинция: Местная власть в России (февраль–октябрь 1917 г.) – СПб.: Европейский Дом, 2011. – 250 с.

Щелков, А. Б. Власть в Самарской губернии в 1917 году. – Самара: ПГСГА, 2014. – 184 с.

References

Anatomiya revolyutsii: 1917 god v Rossii: massy, partii, vlast'. [Anatomy of the revolution: 1917 in Russia: masses, parties, power. In Russ.]. St. Petersburg, Glagol publ., 1994, 448 p.

GERASIMENKO, G. A. *Narod i vlast': 1917* [People and power: 1917. In Russ.]. Moscow, Voskresenye publ., 1995, 288 p.

KABYTOVA, N. N. *Vlast' i obshchestvo rossiiskoi provintsii v revolyutsii 1917 goda* [Power and society of the Russian periphery in the revolution of 1917. In Russ.]. Samara, Samarskii universitet publ., 2002, 324 p.

KOLONITSKII, B. I. *Simvoly vlasti i bor'ba za vlast': K izucheniyu politicheskoi kul'tury Rossiiskoi revolyutsii 1917 goda* [Symbols of power and struggles for power: Studying the political culture of the Russian revolution of 1917. In Russ.]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin publ., 2001, 352 p.

LIPATOVA, N. V. *Vlast' v pechatnom ehkvivalente: obraz sovetskogo lidera na stranitsakh pressy* [The power in print equivalent: Image of a Soviet leader on pages of the press. In Russ.]. Ulyanovsk, ULGU publ., 2014, 239 p.

RALEIGH, DONALD J. *Revolution on the Volga: 1917 in Saratov*. Ithaca, N.Y., 1986. (Russ. ed.: REILI, D. DZH. *Politicheskie sud'by rossiiskoi gubernii: 1917 god v Saratove*. Saratov, Slovo publ., 1995, 398 p.).

TROPOV, I. A. *Revolutsiya i provintsiya: Mestnaya vlast' v Rossii (fevral'–oktyabr' 1917 g.)* [Revolution and periphery: Local government in Russia: February–October 1917. In Russ.]. St. Petersburg, Evropeiskii Dom publ., 2011, 250 p.

SHCHELKOV, A. B. *Vlast' v Samarskoi gubernii v 1917 godu* [Power in the Samara gubernia in 1917. In Russ.]. Samara: PGSGA publ., 2014, 184 p.

Сведения об авторах

Кабытова Надежда Николаевна, доктор исторических наук, профессор, Самарский национальный исследовательский университет им. академика С. П. Королёва, профессор, г. Самара, Российская Федерация, 8-960-821-60-50, don.kabytov2012@yandex.ru

About author

Kabytova Nadezhda Nikolaevna, PhD in History, professor, S. P. Korolev Samara National Research University, professor, +7-960-821-60-50, don.kabytov2012@yandex.ru

В редакцию статья поступила 17.01.2017 г., опубликована:

Кабытова, Н. Н. Властные парадигмы российской провинции в 1917 г. // Вестник архивиста. – 2017. – № 2. – С. 211–220.

Submitted 17.01.2017, published:

KABYTOVA, N. N. *Vlastnye paradigmy rossiiskoi provintsii v 1917 g.* [Paradigms of Power in the Russian Periphery in 1917]. IN: Vestnik arhivista / Herald of an Archivist, 2017, no. 2, pp. 211–220.